

高等学校教材

РУССКИЙ ЯЗЫК

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ
КУРСА

IV
2

俄语阅读

外语教学与研究出版社

Русский Язык

Чтение
для 4-ого курса

(II)

俄语阅读

(四年级用)

(II)

北京外国语学院俄语系编

编者： 姜秀文
袁 宁

俄语阅读（下册）

EYU YUEDU

（四年级用）

北京外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社 出版

（北京外国语学院23号信箱）

北京万泉印刷厂排版

北京怀柔平义分印刷厂印刷

新华书店北京发行所发行

全国各地新华书店经售

开本 850×1168/32 5 1251 印张260 千字

1985年11月第一版1985年11月北京第一次印刷

印数1—4,000 册

书号：7215·103 定价：1.10元

编者说明

本书为高等学校俄语专业四年级阅读课教材。全书分上、下两册，上册共十一课，供第七学期使用，下册共十一课，供第八学期使用。

四年级阅读课的主要任务是培养学生阅读原著的能力，扩大知识面，增强语感，同时掌握一定数量的语言现象，巩固并深化已学的语法、修辞知识，适当地进行言语训练，以提高学生口头，笔头表达思想的能力。

本书所选课文均系苏联当代政治文章和文学作品，题材和体裁力求广泛多样，尽量使思想性、实用性、知识性结合起来，使学生既能学到语言，又能加深对所学语言国家社会现状的了解。

课文后面的练习，有的用以巩固和活用常用词汇和句型或归纳同类语言现象，使之系统化，便于掌握；有的是对课文进行修辞分析，以增加学生修辞知识；有的旨在通过讨论，进一步理解课文内容，同时也有发展连贯言语的目的。教师可根据具体情况选用。

课文中要求积极掌握的语言材料附在书后，其中较难掌握的现象均在练习中有所体现。

由于教学时数有限，阅读教材不能完全满足学生的阅读需要，可适当选用一些补充材料，供学生课外阅读。

参加本书部分初稿编写的尚有郭聿楷同志。

本教材经高等学校外语专业教材编审委员会俄语编审小组组织的审稿会讨论通过。参加审稿会的有：赵辉（北京外国语学院）林宝煊（黑龙江大学）、王冀刚（华东师范大学）、龙翔、（黑龙江大学）、朱丽云（上海外国语学院）、吕国军（北京第二外国语学院）、周春祥（北京师范大学）、姜鸿霄（北京大学）、胡宏骏（上海外国语学院）、诸葛苹（南京大学）。

由于编者水平和时间所限，本书定有不少缺点和不妥之处，热切欢迎读者批评指正。

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Лихоборы — Вячеслав Кондратьев	1
2. Два способа жить (I) — П. Волин	18
3. Два способа жить (II) — П. Волин	32
4. День артиллерии — Ирина Ракша	45
5. О времени и о человеке (I) — Даниил Гранин .	64
6. О времени и о человеке (II) — Даниил Гранин .	76
7. Коленчатые валы — Василий Шукшин	93
8. Весна жизни (I) — Альберт Лиханов	111
9. Весна жизни (II) — Альберт Лиханов	120
10. С чего начинается . . . (I) — Николай Грибачев	135
11. С чего начинается . . . (II) — Николай Грибачев	146

ПРИЛОЖЕНИЕ: Слова и конструкции для активного усвоения	156
---	-----

ЛИХОБОРЫ

Вячеслав Кондратьев

Эшелон подходил к Москве... Несмотря на холодный день, двери всех вагонов были раздвинуты, и бойцы сгрудились около них, жадно глядя на проплывающие мимо окраины столицы.

В нашем вагоне москвичей нет, и мне уступают место у самого бруса, ограждающего дверь, к которому меня, кстати, здорово прижимают стоящие сзади и напирющие — Москву увидеть хочется всем.

Я смотрю на знакомые с детства, примыкающие к железной дороге окрестности, узнавая и не узнавая их, потому что никогда не проезжал по Казанке зимой, никогда не видел столько снега на московских улицах, не говоря уж о торчащих ежах и надолбах, которые вижу вообще впервые.

— Я вам не завидую, командир, — говорит мне Савинов, бывший бухгалтер, теперь рядовой моего взвода.

— Почему?

— Когда едешь на войну, мимо дома лучше не проезжать.

— Не знаю... Может быть, — рассеянно отвечаю я, не оборачиваясь, прикованный взглядом к пробегающим мимо московским придорожным домикам.

— А я знаю, — грустно роняет Савинов, вздохнув.

Савинов едет на фронт во второй раз. Был уже ранен, провалялся в госпитале и попал на формирование нашей бригады в маленьком уральском городке. Таких во взводе несколько. На тактических занятиях эти ребята неб-

режны и ироничны. На эти пустые, по их мнению, игры не стоит тратить ни сил, ни времени. Все это ерунда — показывали они всем своим видом. На фронте все будет не так.

Может, действительно все будет не так... Но сейчас... Эшелон замедляет ход, и я тщательно сквозь предутреннюю дымку стараюсь рассмотреть башенки Казанского вокзала. Мне кажется, что вот-вот они должны появиться, но, увы, так близко поезд вряд ли подойдет... От Каланчевской площади до моего дома всего пять трамвайных остановок! Вот как близок мой дом! И как далеко! Он так же недоступен, каким был и на Дальнем Востоке. И эта близость, и эта недоступность разрывают мне сердце.

— Вы правы, — говорю я Савинову. — Быть около дома... — Я не заканчиваю, потому что он кивает головой, все понимая.

Да, не думал я, в какое смятение меня приведет близость Москвы и как мучительна будет встреча с ней. Разве так я мечтал вернуться в родной город! Во-первых, я должен был приехать с Ярославского вокзала, во-вторых, меня должны были встречать все близкие и все друзья, потом я должен был быть в командирской форме с кубарем в петлицах — красивый и счастливый, отслуживший кадровую и вернувшийся настоящим мужчиной. Увы, я в серой солдатской шинельке, в грубых сапогах, и никто, никто даже не знает, что я подъезжаю к Москве. И я не могу о себе дать знать.

Эшелон двигается все медленнее и медленнее и наконец останавливается. Все выскакивают из вагонов. И среди ребят из других вагонов я безошибочно узнаю москвичей — они молчат, бродят около вагонов, поглядывая вперед, надеясь так же, как и я, увидеть башенки вокзала.

Из соседнего вагона, где располагается первый завод нашей роты, прибегает Мишка Помогаев, мой друг и дальневосточный однополчанин, с которым вместе трубили в полковой школе.

— Далеко твой дом отсюда? — спрашивает он, угадывая мои переживания.

— Близко, — отвечаю, а сам прикидываю: сейчас бегом по путям до Казанского, это минут десять — пятнадцать, а там трамвай, тоже приблизительно столько же. Итого полчаса, и я — дома! Бог ты мой! Десять минут на встречу и прощание с матерью, а потом опять бегом до трамвая. Всего-то час с чем-то нужен мне! И только! Но как долго будет стоять эшелон на этом месте, никто не знает.

— Может, попроситься? — советует Мишка.

— Не пустят, Мишка, — отвечаю я в полнейшей безнадёжности.

— Да, пожалуй... — сочувствует мне Помогаев, который помочь мне, несмотря на свою фамилию, не может...

А вообще очень хорошо, что Помогаев в одной со мной роте. Не говоря уж, что в полковой школе вместе были, сдружались за месяцы формирования. Верный товарищ, в разведку с ним можно.

Тут видим мы, как какой-то красноармеец, не выдержав маёты, с отчаянным лицом взмахивает рукой — была не была! — и кубарем скатывается с насыпи. Увязая в снег, бежит он к стоящим невдалеке трехэтажным домикам. Ребята из его вагона столпились и смотрят ему вслед, покачивая головами. Мы с Помогаевым подходим к ним.

— Сестра у него тут живет. Менее километра. Вот и не выдержал, — говорит один.

— Я бы тоже не выдержал, — бормочет другой.

— А если уйдет эшелон?

— Догонит...

Проходит минут пятнадцать. Эшелон стоит пока на месте. Все не отрываясь глядят туда, куда побежал боец. На его следы в снегу, на домики, к которым он побежал... Застанет ли он сестру? Успеет ли к эшелону? Обо

всем этом идёт между нами тихий разговор, в котором главное: успеет ли вернуться?

Паровоз вдруг дает несколько гудков, лязг буферов, с головы до хвоста поезда пробегает дрожь, вагоны дергаются, и эшелон медленно протягивается вперед. Мы не вскакиваем в вагоны, а идем за ними, еще не веря, что поезд окончательно тронулся. И верно, проехав немного, он останавливается. Все облегченно вздыхают.

— Надо бы ему поскорее, — замечает кто-то.

— А может, у него не сестра совсем... — ухмыляется другой.

— Ну, ежели не сестра... Тогда и опоздать можно.

Предположение, что красноармеец не у сестры, кинутое нам, заставило всех внутренне сжаться.

Но вот наконец видим мы бегущую фигурку и вздыхаем с затаенной завистью: повезло одному из нас нестерпимо. Он бежит с раскрасневшимся лицом, открытым ртом и ошалелыми глазами. Добежав до вагона, он сразу залегает в него. В руках маленький сверток: какие-то, наверно, гостинцы.

Серая утренняя дымка, понемногу рассеивается, и я вижу или мне мерещатся башенки Казанского вокзала. Сердце начинает трепыхаться, охота реветь, и я чувствую, как подступают слезы. Чтоб никто этого не увидел, я залезаю в вагон, карабкаюсь на верхние нары, ложусь на спину и утыкаюсь взглядом в грязный дощатый потолок вагона — поскорей бы двинулся эшелон, поскорей бы проехать Москву... Да, когда едешь на войну, мимо дома лучше не проезжать. Прав мой Савинов.

Немного погодя поезд трогается, но не вперед, а назад, видимо, для того, чтобы выехать на Окружную. Так и оказалось. По Окружной железной дороге я никогда не ездил и потому знакомых мест пока не вижу. Только один раз промелькнула какая-то окраинная улочка, вроде бы знакомая, которую я краем глаза заметил с нар. Я слез и опять пробился к двери — и не зря, потому как вскоре

стали мы проезжать мост через Москву-реку и справа выплыл Нескучный сад, вдали Парк культуры с сереньким ажурным силуэтом — Крымский мост. Сердце дрогнуло, и я уже прилип к двери. Все было в снегу и в сером облачном дне расплывалось неясными, почти неуловимыми контурами. Но это была уже настоящая Москва, которую я не видел почти три года. Радость и боль перемешались во мне, но вскоре из этой смеси вышло одно чувство — какой-то большой и тихой грусти, которая тяжело давит низ живота и одновременно сдавливает горло. Какое-то расплывчатое, кислое состояние, стряхнуть которое даже не пытаюсь. Есть в нем какая-то горькая сладость свиданья-расставанья и еще что-то значительное: вот ты и увидел родной город, который рвался защищать и который будешь защищать.

Проехав мост, мы остановились на станции Воробьевы горы, о которой раньше не имел и представления. Все высыпали на перрон и стали смотреть на Москву: прямо шла набережная, левее виднелся Новодевичий монастырь. Москвичи бросились к единственному телефону-автомату, образовалась очередь. Я к телефону не бросился. Но все же подошел поближе и слушал, как другие, страшно волнуясь, но нарочито бодрыми голосами разговаривали с родными. Я смотрел с завистью, но вскоре понял, что особой радости эти короткие разговоры не приносили. Люди отходили с побледневшими лицами, с жалкими и растерянными улыбками. Что можно сказать за какие-то две-три минуты? Нет, лучше уж не звонить. Лучше просто верить, что ты вернешься в Москву, что встреча впереди... Ведь никто же из нас не ехал на смерть. Мы ехали на войну, на бой, но не на смерть. Не верилось в нее в двадцать ребяческих лет. Но все же, но все же... И я смотрел на расстилающийся передо мной родной город с мыслью горькой: увижу ли еще раз, вернусь ли?..

— Мама, — говорит кто-то в трубку. — Ты не волнуй.

ся. Я вернусь. Я верю, что вернусь, и знаешь, чувствую, что весной. Да, да, мама, весной.

Я смотрю, как кривятся его губы, как дрожит рука, держащая трубку, и вдруг ощущаю по какой-то еле заметной тени, прошедшей по его лицу, что он... он не вернется, что это его последний разговор с матерью... И мне становится жалко его, себя и всех в эшелоне, который везет нас на неотвратимый, неизбежный фронт...

— И сколько же мы по Москве кружить будем? — спрашивает меня Савинов. — Скоро она кончится? Сколько нам еще маяться?

— Москва большая, — отвечаю я, а сам думаю, что хоть и тяжело было проезжать мимо дома, но все же хорошо, что увидел Москву. Ее нерадостный военный облик теперь будет стоять у меня перед глазами, там, где понадобятся мне все силы любви к родному городу.

Тем временем эшелон опять останавливается, а потом начинает подаваться назад. Здесь опять показываются знакомые места. Вижу, что подтягиваемся к Киевскому вокзалу, здание которого начало вырисовываться вдали. Не доехав до него около километра, мы встаем, и, видимо, надолго. Опять высыпают все из вагонов и разбредаются по путям. Как всегда, в каком-нибудь вагоне оказывался бойкий и всезнающий паренек, эдакое ходячее «информ-бюро», который узнает все быстрее и точнее всех. Нашелся такой и в нашем эшелоне.

— Стоять будем всю ночь. До утра. Точно. Мне дежурный сказал, — уверенно заявляет он.

Бог ты мой! До самого утра! И опять заныло внутри: может, все-таки попробовать отпроситься?

По междупутьям — прямой и высокий, в белом, перетянутом ремнями полушубке — вышагивает комиссар нашего батальона, нервно куря и бросая взгляды на вытянувшиеся вдоль путей московские дома. Я пристраиваюсь к нему и вышагиваю рядом. Комиссар несколько раз

глядит на меня, а потом, на повороте, когда мы сталкиваемся лицом к лицу, спрашивает:

— Москвич?

— Москвич, — отвечаю с придыханием, потому что надежда хлынула на меня горячей волной, и я даже растегиваю крючок на воротнике шинели — стало жарко.

Но комиссар ничего не добавляет, и мы продолжаем вышагивать вдоль эшелона молча.

— Товарищ батальонный комиссар, говорят, эшелон до утра простоит? — кидаю я осторожно.

— Кто это говорит?

— Говорят...

— Никто ничего не знает, сержант. Можем тронуться через час, а может и через сутки. — Комиссар смотрит на меня и, улыбнувшись, добавляет: — Что, близок локоть, да не укусишь?

— Именно, — я тоже улыбаюсь, а потом продолжаю: — Часа за два я бы управился.

— Где ваш дом?

Я отвечаю.

— Да, вполне бы управился, — комиссар останавливается, достает папиросы, предлагает мне, и мы закуриваем. Меня начинает бить мелкая дрожь: вдруг отпустит? Но он, закулив, продолжает свой ход вдоль вагонов, а я плетусь за ним, так как идти рядом считаю неудобным.

— Вы давно не были дома? — спрашивает комиссар, приостановившись.

— С октября тридцать девятого.

— Давненько... — протягивает он и, прищурясь, смотрит на меня.

Я набираю в легкие воздуха и решаю:

— Я бы и за полтора часа успел.

— Возможно, — неопределенно говорит комиссар и идет вперед.

Я продолжаю плестись за ним. Все же какая-то ма-

люсенькая надежда еще теплится в моей душе. Комиссар хорошо ко мне относится. Он выносил мне благодарность перед строем на последних учениях. Тогда я командовал взводом и был уверен, что на меня, да и на всех нас уже послан материал на аттестацию. Может быть, так и было, но за неделю перед отправкой на фронт прислали лейтенантов из трехмесячного училища — **молоденьких** ребят, двадцать второго года рождения, «**фазанов**», как мы их называли по-дальневосточному. Комиссар опять приостанавливается, видно, для того, чтоб дожидаться меня:

— Не могу отпустить я вас, сержант, хотя прекрасно понимаю ваши муки. Кстати, я тоже москвич и мой дом еще ближе, чем ваш. Но нельзя. Эшелон может тронуться каждую минуту.

— Но сказали же, что до утра... — беспомощно лепечу я.

— Мало ли что сказали.

— Понимаю, — упавшим голосом говорю я и отхожу от комиссара с поникшей головой.

Но тут, после отказа, мне так невыносимо захотелось увидеть мать и побыть дома хоть минуту, что я уже не мог найти себе места. Не поверил я комиссару, что эшелон может тронуться в любую минуту. Это он для того, чтобы мотивировать отказ. Я бросаюсь разыскивать того всезнающего бойца, который вякал, что эшелон простоят до утра. Нахожу его среди кучки ребят.

— Откуда ты знаешь, что эшелон до утра простоят? — спрашиваю его.

— Откуда? Вон видите, эшелоны уже несколько суток тут припухают, а они с оружием. А у нас его еще нет. Ясно, что мы в последнюю очередь двинемся. Пути, говорят, до самого Малоярославца забиты... А что, сержант, домой хотите сбегать? Валяйте, я разрешаю, — смеется он.

— Чего скалишься? Мучается человек, а ты... — говорит кто-то, с сочувствием глядя на меня.

— Так если бы я москвичом был, то и не задумывался. Мигом сгонял. Нет, правда, сержант, долго мы стоять здесь будем.

Я перехожу пути, прохаживаюсь около другого эшелона, спрашиваю, давно ли стоят. Стоят двое суток. И действительно — в полном боевом ребята, при автоматах и винтовках. Выхожу к какому-то железнодорожному зданию, ищу кого-нибудь из железнодорожников, чтоб спросить, но никого не нахожу. А за этим домом уже маячат большие многоэтажные московские дома Дорогомиловской улицы, по которой, как помню, ходит троллейбус, идущий через центр до Рижского вокзала. До моей остановки, Грохольского переулка, — минут сорок езды. Почему-то оглядываюсь по сторонам и ныряю в какой-то двор и бегом по нему. Выбегаю в другой, пролетаю его, потом еще, еще и наконец-то, запыхавшийся, выскакиваю на Дорогомиловку. Боже, настоящая и знакомая московская улица! Родная! И совсем недалеко троллейбусная остановка, к которой уже подходит троллейбус. Бегу! Бешено колотится сердце. Уже хватаюсь за поручни, еще одно движение, и я в троллейбусе, но вдруг что-то останавливает меня, я опускаю руки и... остаюсь на остановке. Ругаю себя за нерешительность, но не сажусь и в следующую машину. Третьего троллейбуса уже не жду, а медленно поворачиваюсь, оглядываю Дорогомиловку и вхожу под арку какого-то двора. Неожиданно меня охватывает спокойствие, такое удивительное после судорожно-тревожного и лихорадочного состояния, когда я бежал через дворы и пропускал троллейбусы. Вдруг появилось уверенное и ясное чувство: я вернусь в Москву, я вернусь в Москву, я очень скоро вернусь в Москву... И очень хорошо, что я воздержался от поездки домой, очень хорошо... Но сразу вспомнились слова, точно такие же, которые говорил боец по телефону своей

матери на Воробьевых горах, и та тень на его лице, и мои мысли. И опять обрушилась тревога, опять сожаление, что не поехал. Потом вспыхнуло: не ушел ли эшелон, и я опять бегом проскакиваю проходные дворы и вылетаю к путям — слава богу, эшелон на месте. Все так же расхаживает комиссар, и все так же толпятся у вагонов красноармейцы. Я перехожу на прогулочный шаг и не торопясь подхожу к своему вагону, залезаю в него, забираюсь на свое место на нарах, закуриваю и хочу возвратить то вспыхнувшее на улице чувство, что я обязательно вернусь в Москву, но оно не возвращалось, а наоборот. В сердце снова заползает тошнотная тоска, я давя в себе бессмысленные надежды и только хочу, чтобы поскорее тронулся эшелон и поскорее бы Москва осталась позади... Но эшелон все стоит, я больше не могу лежать в бездействии и, искуриив две сигарки, опять вылезая из вагона. Ох, эта маета! За несколько часов, пока мы находимся почти в Москве, меня словно опускают то в холодную, то в горячую воду. Я измучился по-настоящему, и, наверно, все это отражено на моей физиономии. Подошедший ко мне Помогаев смотрит с состраданием. Мой боец Савинов говорит:

— Я вот так же маялся, командир, когда мимо дома проезжал.

— Вы тоже москвич? — спрашивает меня подошедший лейтенант с перевязанными руками. услышавший, видно, наш разговор.

— Да.

— Ну и что, сержант? Мотанем? Часа за полтора обернемся. Я на Тверской-Ямской живу.

— Я уже выходил на Дорогомиловку. Чуть в троллейбус не сел, — признаюсь я. — Но что-то удержало.

— Да... Отстанем — неохота дезертиром слыть, — выплевывая сигарку, говорит лейтенант.

— Что у вас с руками?

— Черт его знает! Какая-то экзема нервная пошла.

Врач говорит — на фронте пройдет. Это я без него знаю. — Он замолк, а потом в сердцах: — Понимаешь, ни хрена никто ничего не знает. Я ходил к коменданту.

— Ну и как? — перебиваю его.

— Мы не в Малоярославец едем. Свернем с Окружной куда-то. А когда тронемся — неизвестно. Давайте подождем маленько. Когда определится направление, тогда хоть знать будем, по какой железке догонять. А сейчас... — он сокрушенно покачивает головой.

Мне становится немного легче — не один маюсь. И с лейтенантом не расстаюсь. Эшелон неожиданно дергается, мы вскакиваем в вагон.

— В вашем поезде. Будем разведку вести по дороге... Ох как мне хочется дома побывать, мочи нет.

Мы становимся у двери и смотрим, как удаляется Киевский вокзал.

— Вообще-то всего два вероятных направления: либо на Рижскую свернем, на Волоколамск, либо на Октябрьскую, на Калинин. Если за Волоколамским шоссе налево свернем, значит, туда, на Волоколамск. Если дальше, то на Октябрьскую, — говорит лейтенант.

Поезд почти ползет, часто останавливается, и никак мы не доедем до Волоколамского шоссе... На одной из станций видим телефон-автомат. К нему бросаются несколько человек. Дергается и лейтенант, но не бежит.

— Нет, не буду. Что толку. А тебе некуда позвонить? — спрашивает меня.

— Мать писала, что телефон сняли.

— Ну а кроме дома?

— Я за три года забыл все телефоны. Понимаете, у нас телефон поставили незадолго до моего отъезда в армию, мало звонить пришлось.

— Вспомни чей-нибудь, кто недалеко от вас живет. Сбегают, сообщают матери.

— А что сообщат? Что еду на фронт? Это мать знает.

Я начинаю вспоминать все же чей-нибудь телефон и